

УКАЗАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ В ЯЗЫКЕ КИРОВСКИХ ПЕРМЯКОВ

Сажина Светлана Александровна,

*кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
ФГБУН «Институт языка, литературы и истории Коми научного центра
Уральского отделения РАН» (г. Сыктывкар, РФ), sazinass@rambler.ru*

Статья посвящена описанию системы указательных местоимений одного из малоизученных идиомов коми-пермяцкого языка – языка кировских пермяков. Предметом исследования являются субстантивные, адъективные, адвербиальные и квантитативные указательные местоимения. Цель работы состоит в рассмотрении грамматических характеристик и особенностей употребления демонстративов. Результаты могут быть использованы в обобщающих исследованиях в области исторической диалектологии пермских языков. Эмпирическую базу исследования составили языковые материалы диалектологических экспедиций автора в район проживания кировских пермяков с 2002 по 2012 г. Лингвистический материал анализируется и интерпретируется в контексте коми языкового диалектного ландшафта.

В работе даются грамматические характеристики и выделяются функции указательных основ и их производных – адъективных, адвербиальных и квантитативных указательных местоимений. Наиболее многочисленным разрядом являются адвербиальные местоимения, среди которых выделяются местоимения места, времени и образа действия.

Система указательных местоимений исследуемого идиома, имеющего переходный характер, обнаруживает черты как коми-зырянских, так и коми-пермяцких демонстративов, в то же время для нее характерен ряд особенностей.

Ключевые слова: коми язык; коми-пермяцкий язык; верхнекамское наречие; кировские пермяки; диалектология; морфология; местоимение.

Для цитирования: Сажина С. А. Указательные местоимения в языке кировских пермяков // Финно-угорский мир. 2018. № 2. С. 68–76.

Введение

Язык кировских пермяков, традиционно именуемый верхнекамским наречием коми-пермяцкого языка, представляет собой уникальную форму коми языка, развивавшуюся в условиях изолированности от основного этнического массива и сильного воздействия окружающих русских говоров. Исследуемый идиом распространен в верховьях Камы, на территории Афанасьевского района Кировской области. С конца XIX в. число носителей верхнекамского наречия неуклонно снижается. Так, перепись населения 2010 г. зафиксировала в Афанасьевском районе только 88 пермяков. Однако согласно специальному опросу о владении коми-пермяцким языком, проведенному в 2007 г. во всех населенных пунктах района, численность носителей верхнекамского наречия составила около 1 тыс. чел. (включая носителей как с высокой, так и с низкой языковой компетенцией). Сегодня полноценными носителями языка являются немногочисленные

представители старшего и пожилого возраста. Все они билингвы, свободно владеющие русским языком. Родной язык используется ими исключительно в бытовой сфере. Анализ возрастного состава представителей исследуемого наречия свидетельствует о том, что передача коми языка в семье была окончательно прервана примерно в 1960–1970-е гг. Таким образом, в ситуации языкового сдвига изучение языка кировских пермяков приобретает особую актуальность. Документирование, синхронное описание данной территориальной разновидности коми языка с целью сохранения максимально подробной информации о ней является одной из главных задач современной коми диалектологии.

Предметом исследования в работе выступают указательные местоимения и их производные. Цель – рассмотрение их грамматических характеристик и особенностей функционирования в исследуемом идиоме.

Обзор литературы

До настоящего времени язык кировских пермяков не был объектом специального синхронного научного исследования; кратко его особенности отражены в статье Г. А. Нечаева [4, 7–21] и обобщающем труде по коми-пермяцкой диалектологии Р. М. Баталовой [1, 221–223]. Лексика верхнекамского наречия в некоторой мере изложена в рукописном труде «Материалы для сравнительного словаря зюздинского пермяцкого и глазовского вотского наречий и бесерменского говора», хранящемся в Государственном архиве Кировской области. Автор и время создания словаря неизвестны.

В последнее десятилетие системное исследование языка кировских пермяков осуществляется Е. Н. Федосеевой и автором настоящей статьи на основе лингвистических материалов, собранных в экспедициях с 2002 по 2012 г. Результаты изучения отражены в ряде научных статей [5; 6; 7; 8; 9; 10; 11].

Теоретической базой для подготовки статьи послужили научные труды Г. В. Федюновой [12; 13; 14; 15], в которых детально исследованы природа коми местоимений, их морфологическая структура и формальная вариативность, указаны принципы классификации.

Материалы и методы

В основе исследования лежат лингвистические материалы, собранные нами в ходе нескольких экспедиций в район проживания кировских пермяков с 2002 по 2012 г. Эмпирический материал в статье приводится в фонематической транскрипции на кириллической основе, традиционно используемой в пермской диалектологии.

Результаты исследования и их обсуждение

Система указательных местоимений в коми языке, согласно исследованиям Федюновой, представляет собой сложную картину соответствий; существенные различия наблюдаются между коми-зырянскими и коми-пермяцкими диа-

лектами. В коми-зырянских диалектах основную оппозицию по дальности указания составляют местоимения с основами **та-** и **си-/сы-**; плюральные формы в подавляющем большинстве образованы от указательных местоимений единственного числа с помощью субстантивного суффикса множественного числа **-йас** и его диалектных вариантов. В большинстве коми-пермяцких диалектов оппозиция по дальности указания представлена местоимениями *эта*, *этийа* ‘этот, эта, это’ и *сийа* ‘тот, та, то’; местоимение с основой **та-** практически утрачено; в качестве указательных местоимений множественного числа используется **н-**вая основа: *нийа*, *найа*, *эна*, *энийа*, *энийа* ‘эти, те’ [15, 122–125].

Системе указательных местоимений языка кировских пермяков, имеющего переходный характер, присущи черты и коми-зырянских, и коми-пермяцких диалектов. Так, оппозицию по дальности указания составляют местоимения: *эта* ‘этот’ и *сийа* (при быстром темпе речи *са*), редко *эсийа* ‘тот’. Ближнеуказательная основа **та-**, как и в коми-пермяцких диалектах, практически вышла из употребления; наблюдается лишь в составе сложного слова *тайадёр* ‘эта сторона’. Например: *тайадёр поныс* ‘конец этой стороны’; *мэд'вэжой мэл'нича тайадёрас* ‘медвежья мельница в этой стороне’.

Формы множественного числа от **т-**вой ближнеуказательной основы образуются путем присоединения к ней субстантивного показателя множественности **-йас**: *эта – этайас / этийас* ‘этот, эта, это – эти’. Например: *этайаслы* ‘этим’; *этайасыс, пис'н'айасыс* ‘эти-то, песни’; *а этийас пируйтёны эд* ‘а эти-то пируют ведь’; *этийас бос'тыны и гэзйас ылын л'эз'ыны* ‘эти берут и на веревках спускают’; *а этийасё тожно видины, коди ступил'и колхозас дак* ‘а этих и ругают, которые вступили в колхоз’. В данном отношении исследуемый идиом примыкает к ареалу коми-зырянских диалектов. В качестве дальнеуказательного местоимения множественного числа, как и в коми-пермяцких диалектах, используется супплетивная **н-**вая основа: *сийа – н'ийа /*

н'иа 'тот, та, то – те'. Например: *н'ийалы* 'тем'; *н'ийалөн* 'у тех'; *э'н'иа* – *пэрмйа-кйас* 'те – пермяки'.

Выступая в функции существительного, указательные местоимения изменяются по падежам подобно существительным, могут принимать указательную форму 3-го лица единственного числа. Например: *вот эта помн'ита* 'вот это помню'; *вот этö костасö өвинын* 'вот это высушат в овине'; *мэ жö ичöд вöлин эшö, но помн'ита вот этö* 'я еще маленькая была, но помню вот это'; *этаксö л'убита лыд'д'ынысö* 'это люблю читать'; *мийан папа ужалис этан, прöдавэчөн* 'наш отец работал этим, продавцом'; *тожно этанас* *накладут сукас* 'затем этим положат в пиво'; *эталөн д'эдыс шуис* 'у этого дед сказал'; *жөн'ихыс коз'налö этаыслы, н'эвэстаыслы* 'жених дарит этой, невесте'; *вэтлимö за с'эмэнами этаö* 'ездили за семенами в это'; *н'экытөн эз тыдал: н'и пытыкын, н'и этан* 'нигде не было видно: ни внутри, ни в этом'; *зоночка н'э öд'д'өн ыжыд вöлин, пукалö этаас, кухн'аас* 'сидит в этом, на кухне'; *өрöшсö эд одзджык вöчалим этаыс'* 'квас ведь раньше делали из этого'; *этайаслөн* 'у этих'; *этайасылы* 'этим'; *тöда, штö сийа старинной праз'ник чудö* 'знаю, что это старинный праздник Чудо'; *туйö ышö сийөн ужалны* 'можно еще тем работать'; *са мэ эг кыллы* 'это я не слышала'; *эсийа ыжыджджык эшö* 'тот еще больше'; *ботöдис эс'* *чистö эвö* 'побил за то его'; *н'ийалөн* 'у тех'; *н'ийалы* 'тем'.

Употребляясь в роли определения, они, как правило, препозиционно примыкают к определяемому слову. Например: *эта т'эрушкаын* 'в этом домишке'; *вот эта* *куз'н'ичка* 'вот такой длинны'; *эта жөн'ихыскöд познакомилис'* 'с этим мужем познакомились'; *кöз'ыд сийа т'эркаас вöлин* 'холодно в том доме было'; *вöчисö сийа мэстаö* 'сделали на том месте'; *сийа магаз'инын* 'в том магазине'; *сийа лунын вöлин пажар* 'в тот день был пожар'; *сийа диннын* 'в той стороне'; *сийа пöраа* 'в ту пору'; *öни том йöзыс оз тöдö н'иа пэсн'айассö* 'сейчас молодые не знают тех песен'; *эрэт'н'и кйас н'иа жэнишинайас* 'еретики (букв. еретницы) те жен-

щины'. Ближнеуказательное местоимение может находиться и в постпозиции: *зоныс эта пукалö пызан дорын* 'мальчик этот сидит возле стола'; *кн'игайас эта лыд'д'öмс'* 'книги эти прочитаны'. Наблюдаются случаи согласования ближнеуказательного местоимения с определяемым словом в аккузативе: *этö Ил'аöс с'о помн'ита* 'этого Илью все помню'.

Рассмотренные указательные основы являются производными для адъективных, адвербиальных и квантитативных указательных местоимений.

Адъективные указательные местоимения

В группе адъективных указательных местоимений оппозицию по дальности указания составляют местоимения *эшöм / эшишöм* 'вот такой' и *сэшöм / сэтишöм* 'такой'. Например: *и вот сийа эшöм слова вис'таис* 'и вот он такие слова сказал'; *кы'шöм д'э хоз'айэва, сэшöм д'э и сус'эдко* 'какие, мол, хозяйева, такой, мол, и домовоной'; *гвозд'анка – сэшöм вот карчага ил'и чугунка пис'кöдöма пыдöсас* 'гвоздьанка – такая вот корчага или чугун с продырявленным дном'; *сэтишöм т'эркушка и строитисö* 'такой дом и строили'; *мэ эшöм йа'йсö эшö эг с'ойал* 'я такого мяса еще не ела'; *вöлин эшишöм д'элö* 'было такое дело'.

Функционируя в роли существительного, исследуемые местоимения изменяются по падежам, употребляются в форме множественного числа: *эшишöмс д'э тожö т'эркаö оз тэчö, н'эспокойнойа д'э потом оллöны* 'такую [ель] на дом не берут, беспокойно, мол, потом живут'; *эшишöмйас динö вэтлинö* 'к таким ходят'; *вот эшишöмйассö мыл'акö эш шöктö* 'вот такие почему-то не разрешали'.

Адъективные указательные местоимения могут функционировать в роли частиц и указывать на высокую степень проявления качества / признака у предмета / лица: *а сэшöм эд кöз'ыд, о-о-й!* 'а ведь так холодно, о-о-й!'; *сэшöм са рожса ылын мичэн'чэк!* 'такой красивый он на лицо!'; *а мэ эшишöм пл'асун'на и эшишöм пэвун'на!* 'а я такая плясунья и такая певунья!'.

Адвербиальные указательные местоимения места

Местоимения, указывающие на положение предмета или направление действия в пространстве, представлены в языке кировских пермяков большим количеством формальных вариантов.

В коми-зырянских диалектах основную оппозицию по дальности указания составляют местоимения *тани* ‘здесь’ ~ *сэни* ‘там’; в коми-пермяцких – *этён* ‘здесь’ ~ *сэччин* ‘там’; а оппозиция *татён* ‘здесь’ ~ *сэтён* ‘там’ сохраняется и в тех, и в других [15, 172]. В исследуемом идиоме по дальности указания противопоставлены формы *татён* ‘здесь’ ~ *сэтён* ‘там’; ближнеуказательная основа *тан-* утрачена, но сохранилась основа *сэн-*. Большое распространение в верхнекамском наречии получила дальнеуказательная основа *сэччан’* ‘там’; характерная для коми-зырянских диалектов, однако ее ближнеуказательная пара *таччан’* ‘здесь’ не употребляется.

Ближнеуказательные местоимения образованы от основ *та-*, *тат-*, *эт-*, *тачч-*, *эчч-* с помощью показателей местных падежей и выражают значения ‘здесь’, ‘сюда’, ‘отсюда’:

- 1) *татён*, *этён* ‘здесь’; *тати*, *эти* ‘здесь, по этому месту’;
- 2) *таччө*, *эччө* ‘сюда’, *эччөдз* ‘досюда’;
- 3) *тас’эн’* ‘отсюда, от этого места’, *тамыс’* ‘отсюда’.

Местоимения *этён* ‘здесь’ и *эти* ‘здесь, по этому месту’; образованные соответственно от **этатён* и **этати*, находят параллели в лузско-летском диалекте [2, 95; 15, 416]. Например: *мый дырна эшö оланö татён?* ‘как долго еще здесь пробудете?’; *а вот этён Л’эон’ид Пэтрович олис* ‘а вот здесь Леонид Петрович жил’; *тати вэтлисö* ‘здесь, по этому месту ходили’; *эти мунö вот* ‘по этому месту идет, д’эрэвн’аö *таччө* *ваисö* ‘в деревню сюда привезли’; *паласйасыс мэнам эмöсь, эччö и сэччö эмöс’* ‘паласы у меня есть, сюда и туда есть’; *са н’этишыштис, да сы лён сосыс вот эччöдз’* *орис* ‘он дернул, и у него рукав вот до этого места порвался’; *вот эччöдз шорти вэс’кыда вуджаламö; вот*

тас’эн’ *сиччан’ö* *кыскалисö* *вöлийасөн* *н’иабс* ‘вот отсюда туда таскали на лошадях их’; *гортлан’* *мöда тас’эн’* ‘в сторону дома пойду отсюда’; *кыс’тö* *вот тамыс’* *вайалисö* ‘откуда-то отсюда возили’.

Описываемые местоимения могут присоединять сегмент **-ка**, не имеющий семантико-грамматического значения: *эта татёнка* *вöлин* ‘это здесь было’; *ми токо этёнка* *пйато кён уж ко лчччимö* ‘мы здесь только впятером остались’; *таччöка* *пэрээхал’и* ‘сюда переехали’; *н’иа эччöка* *вэс’кыда мунисö* ‘они сюда прямо пошли’; *мам мийан родом тамыс’ка* ‘наша мама родом отсюда’.

Местоимение *тамыс’* ‘отсюда’ может употребляться в функции определения: *тамыс’* *морт* ‘здешний человек’; *сылён* *вэсь гижöма тамыс’* *родословнöй* ‘у него записана здешняя родословная’; в роли существительного, принимая субстантивный либо адъективный показатель множественности, посессивный суффикс 3-го л. ед. ч. **-ыс**: *тамыс’йас* *тожö* *вэтлалисö* ‘здешние тоже ходили’; *сэн* *н’э тамыс’öс’* *олөнö* ‘там не здешние живут’; *сийа* *д’эвэт’* *годов вэтлис* *армийа*, *тамыс’ыс* ‘он девять лет ходил в армию, здешний-то’.

Дальнеуказательные местоимения образованы от основ *сэн-*, *сэт-*, *сэч-*, *сэччан’-* с помощью показателей местных падежей и выражают значения ‘там’, ‘туда’ и ‘оттуда’. Основа *сэччан’-*, исторически возникшая на базе эгрессива, представлена большим количеством формальных вариантов: *сэччан’-*, *сэччэн’-*, *сиччан’-*, *сичан’-*, *сичан-*, *сиччэн’-*, *сичэн’-*, *с’чан’-*, *с’с’ан’-*, *с’с’эн’-*, *с’ан’-*, *с’эн’-*, *с’ан-*, *чан’-*, *чэн’*. Вариативность данной основы обусловлена как наличием в идиоме нескольких вариантов показателя эгрессива (*-с’ан’*, *-с’эн’*, *-с’ан*), так и различными фонетическими преобразованиями внутри основы (элизии, ассимиляции): *сэччан’* / *сиччан’* > *с’чан’* > *чан’*; *сэччан’* / *сиччан’* > *с’чан’* > *с’с’ан’* > *с’ан’*; *сэ’ччэн’* / *сичэ’н’* > *с’с’эн’* > *с’эн’*; *сичан* > *с’ан*. Кроме того, имеет место идиолектное варьирование:

- 1) *сэн*, *сээн*, *сэтён*, *сичан*, *сичан’*; *с’чан’*; *сичэн’*; *сичан’ын*, *с’чан’ын*, *сиччан’ын*, *сэч-*

чин, с'ан'; с'ан, с'с'ан'ын, с'эн'; с'эн'ын, с'с'эн', чан'ын, сэччэн' 'там'; сэт(и), сиччан'ти 'там, по тому месту'. Например: д'эвэт' л'эт сэн прожил 'девять лет там прожил'; огородйасыс мийан абу сэн 'огородов у нас нет там'; сэтөн эм роз'ок пы д'осас 'там есть отверстие на дне'; а сэччин тожэ н'экин абы 'а там тоже никого нет'; сичан кок ошти 'там ноги потерял'; а сичан' Пэтровскэй д'эрэвн'а эшэ эм 'а там деревня Петровская еще есть'; сичан' ужэ Исайчи 'там уже Исаево'; мый ти с'чан' в'очанэ? 'что вы там делаете?'; кувакушын, с'чан' эм'ос' стар'овэрйас 'в Кувакуше, там есть староверы'; р'од'ит'эл'йас сичэн' олисэ 'родители там жили'; армийаа мунис и сичан'ын п'огиб 'в армию ушел и там погиб'; с'чан'ын ужали 'там работала'; сиччан'ын ми нам гор 'там у меня печь'; айыс г'ор'ома с'ан' к'онт'о п'он'ын 'отец пахал там где-то в конце'; а с'ан с'ас н'эм абы 'а там сейчас ничего нет'; ми с'с'ан'ын в'о'лим 'мы там были'; с'эн' ужэ в'олин праз'н'ик покров 'там уже был праздник Покров'; мийан с'эн'ын о'л'оны роц'вэн'икйас 'у нас там живут родственники'; а м'од с'эн'ын дальшэ куталэ 'а другой там дальше ловит'; омут'н'инскэй с'с'эн' в'один совхоз 'Омутнинский там был совхоз'; эта хоромина сулалэ чан'ын 'эта хоромина стоит там'; мэ сэччэн' чужси 'я там родился'; кыт в'олин туй, сэт и н'иа из'д'ил'и 'где была дорога, там они и ездили';

2) сэччэ, сиччан', сичанэ, сичан'э, сиччан'э, с'ан'э, чан'э, чэн'э 'туда'. Например: мэ сэччэ пэрэс'аду 'я туда пересяду'; мама сичанэ мийан приехала вон динэ 'мама наша туда приехала к брату'; сиччан' кыкнан койка у лтас пырталли картошкайассэ 'туда под обе кровати заносила картошку'; и вот айыс и мамыс мунисэ сичан'э 'и вот отец с матерью пошли туда'; вот тас'эн' сиччан'э кыскалисэ в'о'л'яс'он н'иа'ос 'вот отсюда туда возили на лошадях их'; дэрэвн'ас'ыс л'эччисэ н'иа п'очинокас с'ан'э 'из деревни спустились они в починок туда'; чан'э из'д'ил'и 'туда ездили'; чэн'э груз'иччалим 'туда загрузились';

3) сэтыс', сэыс', сичан'ыс', сичанс'эн', с'с'ан'с'ин', сэччэн'с'эн', сиччэн'ыс' 'от-

туда'. Например: мун сэтыс' 'уйди отсюда'; пропускэ сэыс' н'э достал 'пропуск оттуда не достал'; а ми ужэ тожно с'с'ан'с'ин' кайимэ 'а мы уже затем оттуда поднялись'; сиччэн'ыс' вэс' разйэхал'ис' 'оттуда все разъехались'.

Как и ближнеуказательные местоимения, дальнеуказательные часто присоединяют формант **-ка**: сэнка ми дал'шэ олимэ н'эвна 'там мы дальше пожили немного'; сэника уз'асэ 'там переночуют'; сэнка с'о орлимэ 'там постоянно'; сэтөнка гунайас ужэ к'олхозн'ой'ос' в'олинэ 'там гумна уже колхозные были'; а миан сэччан'ка чэрт'ож вэс'од'ома в'олин 'а у нас там новина расчищена была'; вэс' картошкайас сичан'ынка сис'мисэ 'вся картошка там сгнила'; и вот сиччан'ка г'оримэ и к'оз'имэ 'и вот там пахали и сеяли'; мый в'олин сиччан'ынка? 'что там было?'; мийан тат'онка кычан, а чэнка вот порубовчыын вот пон 'у нас здесь собаку называют словом "кычан", а там, в Порубово – "пон" '; тэ мый чэнка в'очан? 'ты что там делаешь'; сэтика оз кис'талэ 'там, то место не поливают'; к'оиныс оз т'од вэрмас оз пырнысэ сэччэка 'не знаю, сможет ли волк туда зайти'; сэччэка гижан тэ, мэ эд адэдза 'туда пишешь ты, я ведь вижу'; приэхал'и в'ол'ок сайас сичан'ка 'приехали туда за волок'; мэ ту, к'он'эшнэ, эг вэтлы сичан'эка 'я то, конечно, не ходила туда'; мэ мунисиччан'эка вундыны 'я пошла туда жать'; ш'отасэ сэччан'эка л'он 'сложат туда лен'; купайччыны пыримэ счан'ка 'купаться залезли туда'; солсэ потом чан'ака и тэч'онэ 'соль затем туда и кладут'; бол'шэ с'эн'ака из'д'итисэ 'чаще туда ездили'; штабэл'л'ас тэчыны, тожно кыскалыны сэыс'ка 'штабеля складывают, затем возят оттуда'.

Адвербиальные указательные местоимения времени

В верхнекамском наречии данный ряд представлен формами сэк, сэ'к'ости 'тогда'. Местоимение сэк'ости образовано от послеложной конструкции сэк кости 'между тем, тогда'; широко употребляемой в коми диалектах. Например: сэк

ужэ как раз вот вэжались быкб ‘тогда как раз уже меняли все’; *сэж эшб мэ ичбб вблин* ‘тогда я еще маленькой была’; *сэжбсти ичбт мэ вблин эшб* ‘я тогда еще маленькая была’; *сэжбсти начинал’и ытшыкыны* ‘тогда начинали косить’; *сэжбсти пэтасб ул’ич ылб да с’ыласб* ‘тогда выйдут на улицу и споют’.

Адвербиальные указательные местоимения образа действия

В исследуемом идиоме оппозицию по дальности указания составляют местоимения *эз’ / эз’и / эз’ика* ‘вот так’ и *сиз’ / сиз’и / сиз’ика, сыз’, сыз’и* ‘вон так’. Ближнеуказательная форма *эз’и* обнаруживает параллели в лузско-летском диалекте и коми-язвинском наречии [3, 94; 4, 75]. Например: *мый ти эта эз’ ту вбчанб?* ‘что вы это так делаете?’; *оз кол олны эз’ ту* ‘не надо жить вот так то’; *вот эз’и горбччан* ‘вот так крикнешь’; *вот эз’ колб вбчны* ‘вот так надо делать’; *гбл’эн’окйас эз’ика поталасб, кынмасб, подолок вабс’* ‘голени вот так потрескаются, замерзнут, подол сырой’; *сиз’ жбб поминайут, тбкб н’э сийа лунб* ‘так же поминают, только не в тот день’; *вот сиз’и ми и олам, ббд’ббн омб’ла* ‘вот так мы и живем, очень плохо’; *эс’л’и эм н’ан’ кусок дак, с’уйан карманб да с’ойан, а он дак, сиз’ика и муан* ‘если есть кусок хлеба, засунешь в карман и поешь, а нет, дак, так и пойдешь’.

К этой группе относятся и местоимения, образованные от дальнеуказательной адъективной основы *сэшбм / сэшбм*: *кыз’тб са сэшбма хлопббб* ‘как-то так прихлопывает’; *сэшбма олимб* ‘так жили’. Случаи образования адъективных форм от местоимений *эшбм / эшбм* не зафиксированы.

Квантитативные указательные местоимения

Данный разряд местоимений представлен формами *эта мында* ‘вот столько’ и *сымда* ‘столько’. Например: *эта мында куз’гбм* ‘вот на столько длинноват’; *эта мында о’ла дак, с’акбй историйа адздыли* ‘столько живу, дак, всякие истории видела’; *вот сымда здат’ колб* ‘вот столько нужно сдать’; *кыным бс’ин, сымда и бэр’озкайас султббдасб* ‘сколько окон, столько и березок поставят’.

Заключение

Система указательных местоимений демонстрирует переходный характер языка кировских пермяков: ей присущи черты как коми-зырянской, так и коми-пермяцкой системы демонстративов. К особенностям системы можно отнести следующие моменты: 1) основную оппозицию по дальности указания составляют местоимения *эта* ‘этот, эта, это’ и *сийа* ‘тот’; 2) формы множественного числа образуются двумя способами: от ближнеуказательной основы посредством суффиксации, от дальнеуказательной – супплетивно; 3) имеются указательные основы, осложненные э-вой дейктической частицей: *эта* ‘этот’; *эсийа* ‘вон тот’; *эн’иа* ‘вот эти, те’; 4) производными от указательных основ являются адъективные, адвербиальные и квантитативные указательные местоимения; 5) большой простотой форм отличается группа адвербиальных указательных местоимений места, что обусловлено различными фонетическими преобразованиями внутри основы, вариативностью суффиксальных элементов, а также идиолектными причинами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология. Москва: Наука, 1975. 252 с.
2. Жилина Т. И. Лузско-летский диалект коми языка. Москва: Наука, 1985. 272 с.
3. Лыткин В. И. Коми-язвинский диалект. Москва: Изд-во АН СССР, 1961. 228 с.
4. Нечаев Г. Характеристика зюздинского диалекта коми языка // Сборник комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка. Сыктывкар, 1930. Вып. 1. С. 7–27.
5. Сажина С. А. Консонантизм языка кировских пермяков // Сибирский филологический журнал. 2016. № 1. С. 240–249.

- URL: http://www.philology.nsc.ru/journals/spj/pdf/2016_1/29.pdf (дата обращения: 02.02.2018).
6. Сажина С. А. Фонетические и морфологические маркеры языка кировских пермяков // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2016. № 2. С. 40–48. URL: http://ling.tspu.edu.ru/files/ling/PDF/articles/sazhina_s_a_40_48_2_12_2016.pdf (дата обращения: 02.02.2018).
 7. Сажина С. А. Функционирование языка кировских пермяков в условиях межъязыкового взаимодействия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 3. Ч. 2. С. 172–174. URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-2911_2014_3-2_47.pdf (дата обращения: 02.02.2018).
 8. Сажина С. А. Язык кировских пермяков: к проблеме генезиса // Вопросы финно-угорской филологии: межвуз. сб. науч. тр. Сыктывкар, 2014. С. 130–136.
 9. Федосеева Е. Н. Лексические заимствования в словарном составе языка верхнекамских коми // Ашмаринские чтения: материалы всерос. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2008. С. 188–192.
 10. Федосеева Е. Н. Лексические особенности языка кировских пермяков // Пермистика XII: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: материалы XII Междунар. симпозиума. Ижевск, 2008. С. 338–342.
 11. Федосеева Е. Н. Общее и частное в лексике верхнекамского наречия коми-пермяцкого языка // Современное удмуртоведение в контексте компаративистики, контактологии и типологии языков: сб. ст. Ижевск; Булаешт: Удмурт. ун-т, 2015. С. 505–511.
 12. Федюнева Г. В. Коми местоимение: к проблеме формального варьирования в коми языке: моногр. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2000. 76 с.
 13. Федюнева Г. В. О статусе так называемых «местоименных наречий» в коми языке // Коми слово в грамматике и словаре: тр. / ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Сыктывкар, 2000. Вып. 62. С. 73–82.
 14. Федюнева Г. В. Указательные местоимения и их производные в пермских языках. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2007. 240 с.
 15. Федюнева Г. В. Первичные местоимения в пермских языках. Екатеринбург: УрО РАН, 2008. 427 с.

Поступила 22.02.2018, опубликована 05.09.2018

DEMONSTRATIVE PRONOUNS IN THE LANGUAGE OF THE KIROV PERMIANS

Svetlana A. Sazhina,

Candidate Sc. {Philology}, Senior Research Fellow,
Institute of Language, Literature and History, Komi Scientific Center,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
(Syktyvkar, Russia), sazinass@rambler.ru

The article considers the system of demonstrative pronouns in the language of the Kirov Permians, one of the less studied dialects of the Komi-Permyak language. The subject of the research is substantive, adjective, adverbial, and quantitative demonstrative pronouns. The purpose of the work is to consider grammatical characteristics and specific features of the demonstratives. The results can be used in generalization in the area of historical dialectology of the Permian languages. The empirical base of the research includes linguistic materials collected by the author in her dialectological expeditions to the area where the Kirov Permians resided in the 2002–2012. Linguistic materials are analyzed and interpreted in the context of the Komi language dialect.

The main focus of the work is grammatical characteristics and functions of the demonstrative bases and their derivatives: adjective, adverbial and quantitative demonstrative pronouns. The most numerous are adverbial pronouns, among which there are pronouns of place, time and mode of action.

The system of demonstrative pronouns of the dialect has a transitional character, revealing the features of the Komi-Zyryan and Komi-Permian demonstratives, and showing its own specific features.

Key words: Komi language; Komi-Permian language; Upper-Kama dialect; Kirov Permians; dialectology; morphology; pronoun.

For citation: Sazhina SA. Demonstrative pronouns in the language of the Kirov Permians. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2018; 2: 68–76. (In Russian)

REFERENCES

1. Batalova RM. Komi-Perm dialectology. Moskva; 1975. (In Russian)
2. Zhilina TI. Luza-Letka dialect of the Komi language. Moskva; 1985. (In Russian)
3. Lytkin VI. Komi-Yazva dialect. Moskva; 1961. (In Russian)
4. Nechaev G. Characteristics of the Zyuzdinsky dialect of the Komi language. *Sbornik komissii po sobiraniuu slovaria i izucheniiu dialektov komi iazyka* = Collection of the commission on the collecting of the dictionary and the study of dialects of the Komi language. Syktyvkar; 1930; 1: 7–27. (In Russian)
5. Sazhina SA. The consonantism of the language of the Kirov Permians. *Sibirskii filologicheskii zhurnal* = Siberian Philological Journal. 2016; 1: 240–249. Available from: http://www.philology.nsc.ru/journals/spj/pdf/2016_1/29.pdf (accessed 02.02.2018). (In Russian)
6. Sazhina SA. Phonetic and morphological markers of the language of the Kirov Permians. *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanii* = Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. 2016; 2: 40–48. Available from: http://ling.tspu.edu.ru/files/ling/PDF/articles/sazhina_s_a_40_48_2_12_2016.pdf (accessed 02.02.2018). (In Russian)
7. Sazhina SA. Language functioning of Kirov inhabitants of Perm in conditions of interlanguage interaction. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* = Philological Sciences. Theory and Practice. 2014; 3; ch. 2: 172–174. Available from: http://sc-journal.ru/articles/issn_1997-2911_2014_3-2_47.pdf (accessed 02.02.2018). (In Russian)
8. Sazhina SA. Language of the Kirov Permians: to the problem of the genesis. *Voprosy finno-ugorskoi filologii* = Finno-Ugric Philology. Syktyvkar; 2014: 130–136. (In Russian)
9. Fedoseeva EN. Lexical borrowings in the vocabulary of the language of the Upper-Kama komi. *Ashmarinskie chteniia: materialy vseros. nauch.-prakt. konf.* = Ashmarin reading. Proceedings of Russian conference. Cheboksary; 2008: 188–192. (In Russian)
10. Fedoseeva EN. Lexical features of the language of the Kirov Permians. *Permistika XII: Dialekty i istoriia permskikh iazykov vo vzaimodeistvii s drugimi iazykami* =

- Permistika XII: Dialects and the history of the Permian languages in cooperation with other languages. Izhevsk; 2008: 338–342. (In Russian)
11. Fedoseeva EN. General and particular in vocabulary of the Upper-Kama dialect of the Komi-Permian language. *Sovremennoe udmurtovedenie v kontekste komparativistiki, kontaktologii i tipologii iazykov: sb. st.* = Proceedings: Modern Udmurtica in the context of comparative, contactology and language typology. Izhevsk; Budapesht; 2015: 505–511. (In Russian)
 12. Fedyuneva GV. Komi pronoun: to the problem of formal variation in the Komi language. Syktyvkar; 2000. (In Russian)
 13. Fedyuneva GV. Status of “pronominal adverbs” in the Komi language. *Komi slovo v grammatike i slovare* = Komi word in grammar and dictionary. Syktyvkar; 2000; 62: 73–82. (In Russian)
 14. Fedyuneva GV. Demonstrative pronouns and their derivatives in the Permian languages. Syktyvkar; 2007. (In Russian)
 15. Fedyuneva GV. Primary pronouns in Permian languages. Ekaterinburg; 2008. (In Russian)

Submitted 22.02.2018, published 05.09.2018